

*Диана Кораблева
Секрет для двоих:
в поисках Шангри-ла.*

16+

Диана Кораблева

**Секрет для двоих: в
поисках Шангри-ла**

«Автор»

2018

Кораблева Д. А.

Секрет для двоих: в поисках Шангри-ла / Д. А. Кораблева —
«Автор», 2018

Волею судьбы английскую шпионку и советского разведчика заносит в Тибет. Вместе им придется не только собрать волшебные артефакты, попутно влюбившись друг в друга, но и не дать немецкой экспедиции отыскать путь в затерянную страну под названием Шангри-ла.

© Кораблева Д. А., 2018

© Автор, 2018

Волею судьбы английскую шпионку и советского разведчика, заносит в Тибет. Вместе им придется не только собрать волшебные артефакты, попутно влюбившись друг в друга, но и не дать немецкой экспедиции отыскать путь в затерянную страну под названием Шангри-ла.

Кораблева Диана. «Секрет для двоих: в поисках Шангри-ла»

Памяти моего отца.

Папа – я буду любить тебя вечно...

Что такое красота? Скажете: «красивая ваза»? Нет? Слишком просто. Равным образом и противоположность-это не две крайние точки отрезка, и не два противоположных берега реки. Это нечто общее. Что же, спросите вы? Я тоже хочу узнать. Давайте разбираться вместе.

В этой книге, наряду с вымышленными персонажами встречаются исторические личности. Их судьбы переплетаются, но это всего лишь плод моей фантазии. А может быть, и нет. Кто знает? Мне давно хотелось написать историю о величественных Гималаях, и народах проживающих на этой территории. А также окунуться в мир легенд о загадочной стране Шамбала.

В романе, изначально задуманным, как рассказ о советском разведчике, события разворачиваются в 1928 году. Тогда еще не существовало такого понятия, как «фашизм», он только зарождался. И пусть меня простят немецкие граждане за то, что некоторые герои в книге являются антагонистами.

Отдельное спасибо Творцу, что создал великого человека – художника, мистика, писателя и археолога Н.К. Рериха – за его жизнь и моё вдохновение.

Секрет для двоих: в поисках Шангри-ла.

Пролог

Одесса. Осень 1917 года.

Одесса всегда была неповторимой. Красивая архитектура, разноцветные бельгийские электрические трамвайчики, издающие трель «стоп-сигнала». Зеркальные витрины иностранных магазинов, газетные типографии, черные стеклянные доски со строгими золотыми надписями на фасадах банков и акционерных обществ. Оперный театр, Александровский сад. «Южная Пальмира» Российской Империи.

Этой осенью она страдала, и даже золотые каштаны не радовали глаз. Одесса была «в огне», «в огне» зарождающейся революции. Власти в городе менялись чуть ли не каждый день. Социал-демократы, анархисты, красные, белые, левые и правые – все смешалось. Еще и погода была ветреная и холодная.

На ступенях Каменной лестницы стояла молодая девушка. Даже подросток, по нынешним меркам. С моря подул ветер и унёс с головы её шляпку из фетра и черного бисера. Шляпка сначала взмыла в воздухе вверх, а затем, кружась, стала лететь над ступеньками вниз. В глазах полных усталости и печали последних недель, появились блестящие капельки слез. Она была готова расплакаться вновь. Как и пять дней назад, когда пропал её любимый младший брат. «Статский советник найдет его,-успокаивала на следующий день девушку её тетя. – Он уже телеграфировал об этом твоему батюшке. – Алекс – маленький, и болезненный. Это моя вина. Я должна была о нем заботиться!»-отвечала девушка, хлюпая носом. Когда-то, еще совсем недавно, ее смех заражал радостью и энергией всех и каждого, кто оказывался с ней рядом. Теперь она даже не улыбалась. – Ты сама еще совсем дитя. Уж если кого и винить, так это меня, и нашего верного Никитку. Это мы не уследили...» Остаться в Харьковской губернии было

небезопасно, и уже следующим утром они оправились на юг. Им приходилось лишь уповать на Господа Бога, что мальчишку найдут целым и невредимым.

Смахнув слезы, от внезапно нахлынувших воспоминаний, девушка побежала по ступеням вниз за своей шляпкой. Её тетя Лиза и верный Никитка, остались стоять рядом с бронзовым памятником герцогу де Ришелье.

– Ваша шляпка, сударыня! – окликнул её молодой человек. Он стоял метрах в двух от неё, вниз по лестнице, и протягивал руку с головным убором. На вид он был с ней одного возраста. Совсем мальчишка. В потертых брюках и жилетке, с кепи на голове. Он сначала разглядывал её шляпку, аккуратно держа в руках, а затем поднял свой взгляд на нее. Его темные, почти черные глаза, обрамленные длинными, такого же цвета ресницами, застыли, разглядывая девушку.

Боже милостивый! Он никогда не видел таких прекрасных глаз. Они были бирюзово-зеленого цвета! Почти изумрудного. Большие, с пышными ресницами уходящих немного вверх, вдоль линии века. Он еще много лет спустя, вспоминал эту минутную встречу и эти волшебные глаза.

– Спасибо, – ответила она, протягивая руку за своей шляпкой.

Мальчишка не спешил отдавать головной убор его хозяйке. Он продолжал разглядывать девушку. Невысокая, даже несмотря на то, что она стояла на пару ступеней выше, он все равно, на «целую голову» возвышался над ней. В новом муслиновом платье и красивой шерстяной накидке. Она явно была не из простых. Не ровня ему. Ветер растрепал её золотисто-огненные волосы, которые волнами падали на плечи.

– Что такая достопочтенная дама, делает здесь одна? – пыливый взгляд темных глаз буравил молодую девушку.

Она немного помолчала, потом оглянулась наверх, к началу лестницы. Тетя и Никитка уже спускались следом за ней.

– Я не одна. Я путешествую с тётей и дядей.

Молодой человек вручил ей шляпу, как-бы колеблясь. Он был таким смуглым и таким худым, что девушка невольно вспомнила про своего болезненного брата. Ох, уж эти предательские слезы...

– Не лучшее время для путешествий вы выбрали! Город делят между собой власти и банды. А молодым, красиво одетым девушкам вроде вас, так вообще не стоит показываться на улице.

– Спасибо, я это учту, – ответила она, прижимая к себе шляпку. – Мы скоро отплываем. Путь наш лежит в порт, – девушка взглядом указала на доки внизу.

Тетя Лиза уже была рядом. Мальчишка развернулся, чтобы уйти, но напоследок предупредил:

– Я бы на вашем месте в порту, тоже был осторожней, там много невоспитанных матросов!

«Ох, уж эти изумрудные глаза, с застывшими в них слезами. Хоть стихи им посвящай!» – замечтавшись, парень скрылся из вида.

Палестина 1924 год.

На пароходе, подплывавшем к берегам израильского города Хайфа этим вечером, было шумно. Работали казино, играла музыка. Красивые женщины в ярких платьях пили шампанское, заигрывали с британскими офицерами и танцевали чарльстон.

Огромный зал с хрустальной люстрой, свисающей с потолка словно волосы «Медузы», был обшит золотыми фресками. А пол полностью покрывал персидский ковер красного цвета.

Еврей-эмигрант устроился в одном из залов казино, за столом для игры в макао. Азартная игра была запрещенной, поэтому вокруг столика посторонних глаз не было. Напротив сидел

английский лорд со своей свитой, состоящей из трех офицеров британской королевской гвардии.

Еврей казался излишне громоздким и неотесанным в окружении столь высокопоставленных людей. Толстое брюхо и блестящее от пота лицо обрамленное черными пейсами¹, (*1 Пейс – длинные неподстриженные пряди волос у верующих евреев*), выглядывающих из-под черной шляпы, создавали отталкивающее впечатление.

Люди за столом говорили вкрадчиво, поглядывая по сторонам.

Музыка заглушала их беседу. Еврей обратился к аристократу на английском языке, коверкая слова:

– Картина здесь, со мной, – он похлопал рукой по черному кейсу, лежавшему на коленях, зажатом между его животом и дубовым столом оббитым зеленым бархатом.

– Мне нужно на неё взглянуть, – ответил оппонент. Звали его лорд Стенли Томас. Он был графом и полковником Его Величества короля Георга V.

– Конечно-конечно, – чёрные глазки еврея «забегали по сторонам», когда он принялся открывать кейс.

Толстяк достал свернутое в «трубку» полотно. Все за столом замерли, когда он развернул картину. На ней была изображена пышная светловолосая женщина, с неприкрытой грудью, смотревшая в зеркало, которое держали херувимы.

– Тициан..., – ахнул лорд Стенли.

Еврей поспешил спрятать картину назад в кейс.

– Как вам удалось вывезти её из России? – спросил граф.

– Община секретов не раскрывает, – улыбнулся еврей.

– Что вы хотите за неё? – продолжил лорд Стенли.

– Сто тысяч фунтов стерлингов в британских облигациях на предьявителя.

– У меня при себе нет такой суммы.

– Через полтора часа мы сойдем на берег, уверен, там вы сможете связаться с вашим банком.

Лицо еврея все больше покрывалось потом.

Один из офицеров наклонился к лорду и что-то шепнул ему на ухо.

– Да, но мне напомнили, что здесь, на корабле имеется галерист, – взгляд голубых глаз лорда пронизывал толстяка насквозь, – давайте проверим полотно на подлинность. Не хочу, чтобы на берегу, меня ждал неприятный сюрприз.

За галеристом послали самого младшего офицера. Лондонский эксперт в области живописи сидел в соседнем зале, за круглым столом. Он наблюдал за кабаре, отплясывающим на сцене, и курил кальян. Молодой офицер наклонился и что-то прошептал ему на ухо. Вместе они вошли в казино, и теперь эксперт в области живописи, сидя между евреем и лордом, рассматривал картину.

– Это очень похоже на подлинник! – в итоге изрёк он. Глаза его светились, руки потели от возбуждения. – Подумать только – Тициан! «Венера с зеркалом»!

Галерист также работал реставратором в британской галерее искусств. После Первой мировой войны многие шедевры были выкрадены из музеев и частных коллекций, а некоторые навсегда утеряны. Поэтому он путешествовал и давал консультации музеям и коллекционерам по всей Европе вот уже целый год.

– Не так давно, я был в Турции. Говорили, что месяц назад, на черном рынке в Константинополе всплывала эта картина. Но, чёрт бы меня побрал! Вот она, здесь! Передо мной! – восклицал эксперт. – Но для более точных выводов мне нужен мой чемодан с инструментами. Пройдёмте со мной, они у меня в каюте.

Еврей выглядел недовольным, но пошел следом за реставратором и остальными. Мало того, что он был толстым, так он еще и на целую голову возвышался над остальными. В каюте у

реставратора, он заслонил собой всё свободное пространство. Лорд Стенли брезгливо поглядывал на толстяка. Ему казалось, что пот с его еврейской шеи, скоро начнет капать на ворот его отлично сшитого красного мундира.

После определенных манипуляций с картиной, и бормотания, о гризайли и зернистости холста, галерист, наконец, вынес свой вердикт:

– Это подлинник! Хотя я и возьму немного покрытия для химического анализа... – он достал палочку и прозрачную колбу из своей сумки с инструментами.

– Это не повредит картине?! – взвыл еврей.

– Ни сколько, – ответил реставратор, пространственно глядя, будто сквозь него. В ушах у эксперта стоял гул от сердцебиения. Подумать только, он прикасается к самому Тициану!

Когда они все вместе вышли из каюты реставратора, вдали уже видно было берег. Хайфа светилась огнями. Неподалеку от них, на борту парохода, поверх ограждающих перил, влезла молодая девица, в коротком платье и накинутым поверх её плеч мужским пиджаком. Она, очевидно, была пьяна. С криками: – Ненавижу тебя, Абрам! – отпустила руки и выбросилась за борт корабля.

Все стояли, опешив, какое-то время. Толстый еврей оглядывался на окружающих, понимая, что девушку нужно спасать. Однако никто из британцев не поспешил ей на помощь. Со словами:

«А, к черту...!» – он скинул с себя шляпу и бросился вслед за девицей. – И подержите пять минут мой кейс, – добавил он, обращаясь к галеристу. Через секунду он летел головой вниз с палубы так, будто он всю жизнь был пловцом, а не толстым еврейским эмигрантом.

Он долго не мог найти в воде женщину, а когда отыскал, и поднял вверх из-под толщи воды, с палубы уже сбросили для них два спасательных круга.

Добравшись до кормы, он сначала передал мокрую леди, в руки офицеров, а затем стал перелезть через борта сам.

Леди была жива, здорова и в сознании. Уже протрезвевшая, она искала глазами своего спасителя, и никак не могла отыскать. В это время мокрый толстый еврей пытался забрать свой кейс из рук реставратора, и незаметно отступить назад.

Наконец девушка встретила взглядом со своим спасителем, и вдруг стала меняться в «лице». Её улыбка стекала, как вода с её волос.

– Какого черта! – воскликнула она, что на леди было совсем не похоже, и часто заморгала глазами.

Все присутствующие, включая кое-кого из команды лайнера, обернулись по направлению её взгляда, и уставились на еврейского толстяка. Пейсы на его лице отклеились, намокшая подушка, изображавшая накладной живот сползла. Перед ними стоял высокий, широкоплечий и кареглазый мужчина. Лет тридцати, не больше. И без единого намека на жир – сквозь прилипшую к телу мокрую одежду, вырисовывались рельефные мышцы живота и рук. Он выхватил из рук галериста свой кейс, и со словами: «Кажется это моё!» – пустился по палубе наутёк от офицеров.

Моргнув, лорд Стенли, только и успел скомандовать: – Взять его!

Но молодой человек, оттолкнув одного, и перепрыгнув через двоих, спрыгнул за борт корабля и исчез в темных водах Средиземного моря.

Позже лорд Стенли Томас узнал в нем английского шпиона, по прозвищу Джек, а еще позже ему рассказали, о равнодушном к милым дамам, Советском двойном агенте Максе Сафирине, который является мастером перевоплощений.

Лондон. Великобритания. 1925 год.

Штаб-квартира МІБ.

Джордж Смит Саллинг сидел во главе круглого стола с монолитной дубовой крышкой. Вот уже третий час проходило секретное совещание с высшими чиновниками Британской империи и Адмиралтейства. Вначале собрания обсуждался вопрос, возникший вокруг Германской империи. По всем предпосылкам дело шло к началу нового вооруженного конфликта. Германская республика, охваченная революцией, и распавшаяся Австро-Венгерская республика уже не представляли большой угрозы для Британии. Однако, не стоит забывать и том, что бывшие союзники из Антанты, могут поменять свою точку зрения. Страна, обладающая таким количеством колоний, каковой является Британия, сильный противник, и в то же время «лакомый» кусочек для остальных стран. Таким образом, вчерашних союзников перестали посвящать во внутренние дела. Так же как и высшее руководство империи, МІБ, не посвящало в свои внутриведомственные дела. Распустив большую часть собравшихся, Смит и его команда за один вечер успели выявить пять кандидатов для вербовки в разведку. Сейчас вопрос решался о последнем – Энн Уилсон. Он не знал, как следует поступить с ней. Попросив всех выйти, Смит решил доверить её дело, только Кендриксону, который все это время сидел в углу, позади шефа, глядя в окно.

Агент Кендриксон, был помощником Смита, так называемым «белым воротничком». В свои тридцать пять, он уже успел зарекомендовать себя, как опытный агент, умевшего хранить в голове бесчисленное количество информации. От самой бесполезной, до совершенно секретной. Его мозг был архивом и алгоритмом одновременно. При этом выглядел он слегка комично: рыжий, с веснушками и светлыми усами, недавно появившимися у него под носом. Придававшие ему, британский аристократический вид, как считал он сам. Агент любил носить всё клетчатое или полосатое – брюки, рубашку, галстук, чтобы визуально удлинить себя, и спрятать предательское брюшко, появившееся из-за сидячей работы.

Кендриксон повернулся к шефу, готовый выслушать досье мисс Анны Уилсон.

– О, Господи! – воскликнул Джордж Смит Саллинг, глядя на помощника. – Твои усы стали еще больше! Это что, пушной зверёк сдох, или – герпес у тебя под носом?!

Кендриксон улыбнулся: – Это моя гордость, сэр!

– Боюсь, что с этим не согласится ваша жена.

– Вы правы, сэр. Поэтому уже месяц я сплю на диване. Но я уверен, что скоро она привыкнет ним.

– Лучше бы ты использовал усы, только для конспирации!

– Я никогда не покину штаб, вы же знаете, что для полевой разведки я не самый подходящий кандидат.

– Поэтому обрати внимание вот на эту персону (Смит принялся зачитывать досье мисс Уилсон):

– «Окончила Дублинский университетский колледж. Изучала науки о жизни и медицине, естественные науки. Владеет в совершенстве: итальянским, русским, немецким и французским. В колледже возглавляла женскую команду по футболу, занималась фехтованием, играла в театре самодеятельности. Из детства мало, что известно, Энн Уилсон – сирота. Она даже пыталась, поступить в Кембридж, однако, понятно, что без влиятельных покровителей – это невозможно. К тому же там недолюбливают женщин абитуриентов. Во время Первой Мировой – помогала в госпитале ухаживать за больными...» – Смит остановился.

– Кендриксон! Ты слушаешь? – Кендриксон, будто «летал в облаках».

Чтобы достучаться до сознания Кендриксона, постоянно, что-то обдумывающего, частенько, все приходилось повторять по несколько раз.

– Да-да, сэр, – протяжно ответил агент, накручивая ус и поглядывая куда-то в сторону. Джорджа Смита Саллинга – это выводило из равновесия. В свои пятьдесят, Смит, в отличие от Кендриксона, был высок, подтянут и так как, половину своей жизни он был военным – невозмутим. Однако его помощник умел вывести его из себя, ничего при этом не делая. Но

он прощал ему многое, даже отказ от выполнения полевых заданий, потому что больше ни у кого в ведомстве так не «варила голова».

– Что ты вывалил своё пузо?– сердился Смит Саллинг. – А ну-ка выровняйся!

Кендриксон заёрзал на стуле, и как ему казалось, выровнялся, хотя это оставалась его прежняя поза.

Смит продолжил повторять досье, вставая из-за стола. Он и без того высокий и широкоплечий, любил носить серо-голубые костюмы, какие носили голливудские звезды. Удлиненный пиджак с подбалочниками, брюки со стрелками, белые остроносые туфли и шляпу с приплюснутой с двух сторон тульей. Смит Саллинг подошел к вешалке, взял шляпу и стряхнул с неё невидимую пылинку. Так он её любил.

– За эту девушку похлопотал Сабатини.

Кендриксон оживился:

– Тот самый Сабатини?!

– Да, – ответил Смит, улыбаясь, переводя взгляд со шляпы на своего помощника. – Рафаэль Сабатини. Он утверждает, что девушка была одним из участников его спиритических сеансов и даже опробовала на себе автоматическое письмо². (*2. Автоматическое письмо – человек, находящийся медиумическом трансе, может контролировать всё, кроме своей руки.*)

– Энн Уилсон училась в Дублине. Нужно проверить, не связана ли она с ирландской контрразведкой, – Кендриксон так разнервничался, что встал и начал поправлять свои полосатые брюки и шерстяной клетчатый жилет. И сразу же сел обратно.

– Вот этим ты и займись, – констатировал Смит. – Если будешь в ней уверен, будешь отвечать за её обучением в нашей академии.

Кендриксон раскраснелся:

– После обучения будем пробовать её в полевых условиях?

– Да, – ответил Смит. Он стоял напротив винтажного зеркала, украшающего его кабинет, и одной рукой надел на голову любимую шляпу. Нечто похожее на улыбку на один миг озарило его невозмутимое лицо.

– Будем делать из неё агента?– переспросил помощник.

– Посмотрим, – ответил Смит Саллинг, глядя на Кендриксона сквозь зеркало, и загадочно улыбнувшись, вышел из кабинета.

Глава 1.

Тибет. Плато Чантанг. Весна. 1928 год.

20 км до Лхасы.

Буддийский монах по имени Симкха медитировал. Не в духе монахов жаловаться, вслух он не обронил ни слова, однако в душе проклинал зверский холод, проникший в каждую клеточку его тела. Снаружи его далеко не зимней палатки лютовала снежная буря. По ощущениям, мороз был крепким, градусов тридцать. Было бы чуть теплее, не будь его голова бритой. Однако, Николай Константинович, возглавлявший экспедицию в столицу Тибета, Лхасу, любезно одолжил Симкхе меховую шапку. Так он и медитировал, завернувшись в свою кашаю³ (*3 Кашая – традиционная одежда буддийских монахов*) и с теплой шапкой на голове.

Месяц назад в долине Шенди, он присоединился к экспедиции русского художника и археолога Николая Рериха, следовавшего в столицу Тибета. Николай Константинович изучал фольклор гималайских народностей, писал эскизы будущих картин, занимался раскопками. Его жена и сын, сопровождая его, делились своими рассказами с группой и записывали наблюдения от путешествия. Их путь лежал во дворец Потала, в столице Тибета. Он представлял для Рериха, как культурную, так и историческую ценность. Все бумаги были собраны, пошлины оплачены, с помощью американской стороны. Ради этого Николай Константинович с сыном даже пересекали океан, в надежде на спонсора из Нью-Йорка. И все получилось, пока их на

этом плато не остановил небольшой отряд тибетского ополчения. Вокруг возвышались массивные горы, с заснеженными вершинами, сквозили ветра. Местные наёмники, сопровождавшие исследователей, ушли в долину, в поселение, прихватив с собой вьючных животных экспедиционной группы. Пятеро русских погибли. Двое (один ученый и один военный) – решили вернуться назад в Шенди. А оттуда добираться в Монголию. Оставались только Николай Васильевич, его жена, сильно заболевшая бронхитом, сын Юра, молодой полковник Никита Красновский, обеспечивавший охрану группы и монах, направлявшийся в Лхасу, чтобы встретиться с Далай-ламой.

Тибетский генерал, получив инструкции из столицы, не дал экспедиции разрешения следовать дальше. Это был тяжелый момент путешествия. Они были в снежном плену. Местным жителям не разрешали продавать еду. Оставшиеся животные из каравана – погибли. Надежды на положительный исход угасали с каждым днём.

Николай Константинович, сам себя назвавший «западным ламой», дождался, пока Симкха закончит свою медитацию, чтобы обратиться к нему.

– Мы вряд ли проживем еще хотя бы несколько дней здесь, – он говорил с монахом на «хинди». – Ты почти свой для них, ты можешь спуститься в деревню.

– Скоро все измениться, – ответил Симкха. – Я чувствую – завтра все измениться к лучшему.

Той же ночью, отряд тибетских повстанцев был полностью перебит немецкой экспедицией. С самого утра немцы отправились к Рериху и его группе.

Юра сначала слышал скрежет снега, доносившийся откуда-то со стороны долины, а потом увидел темный караван, возглавляли который, две механические машины на гусеничных колесах. Сзади шли навьюченные сумками и сундуками вола и яки. Он пошел им навстречу. В их летней палатке оставался отец, ухаживавший за больной матерью.

Слева к Юре подошел Никита Красновский. Он, несмотря на молодой возраст, дослужился до полковника. Это был его первый в жизни поход, но он прекрасно держался. Обмотанный тряпками и остатками от походной одежды, дабы не замерзнуть, он гордо держал осанку.

– Что это? – обратился к нему сын Рериха, имея в виду, возглавляющие колонну автомобили.

– Насколько я могу судить с этого расстояния – это французская разработка, снегоходы «Ситроен». Я видел такие во время войны.

– К нам приближаются французские военные? – испуганно спросил Юрий. Парень был чуть младше полковника. Походов он не боялся и был опытным путешественником. А вот люди. Люди его всегда пугали.

Красновский пытался нащупать рукоять револьвера. Руки плохо слушались его. Мысли в голове тоже путались. Во всем виноват проклятый холод.

Караван остановился метрах в двадцати от того места, где они стояли. Из первого «Ситроена», машина была праворульной, со стороны пассажира, вышел мужчина, лет сорока – сорока пяти. (Насколько можно было судить, ведь он был укутан в меха с ног до головы). Он направлялся к двум молодым мужчинам. Следом за ним шли еще несколько человек из второй машины. Понятно было, что в руках у них огнестрельное оружие. Оказавшись совсем близко, он обратился на ломаном русском:

– Обещаю, мы стрелять не будем. Нам нужно поговорить с Николаем Рерихом. Ведь он возглавляет эту экспедицию?

– Так и есть, – ответил Юра, переглянувшись с Никитой. Они узнали акцент. Человек напротив был немцем или австрийцем.

– Позовите его, – приказал мужчина.

Юра, разглядев одобряющий кивок головой от Красновского, пошел за отцом.

Симха следил за происходящим из-за створки своей палатки. Он внимательно разглядывал машины и людей. Они все казались ему великанами в своих меховых шубах и дубленках.

Николай Константинович вышел из своей палатки вслед за сыном. Немецкий оппонент, ожидавший его, не мог ни отметить, что Рерих выглядит, как тибетский монах. Странная черная шапочка, на восточный манер, оранжевая буддистская ряса, а сверху что-то наподобие пальто из натурального велюра, до самой земли. При этом глаза русского по национальности человека, были узкими, восточными. И еще эта длинная белая борода.

– Я Николай Рерих. Чем могу быть полезен?– спросил Рерих так, будто бы это человек напротив нуждался в помощи. А не его экспедиция застряла высоко в горах.

– Меня зовут Эрнст Шёбффер,– обратился он к Николаю Константиновичу на немецком языке, зная, что собеседник им владеет. – А это – герр Рудольф Кёлер,– он указал на человека, стоявшего позади него слева. Жуткое лицо мужчины было обезображено шрамом. Он стоял ближе, чем все остальные из группы. – Я зоолог и дипломат этой миссии. А герр Кёлер – мой военный советник и телохранитель, – этим он намекал, что шутить с ними не стоит. Хотя никто и не собирался. Положение экспедиции Рериха итак было плачевным. – Сколько вас человек?

– Всего пятеро,– ответил Николай Константинович на немецком.

– Мы преследуем одни и те же цели, поэтому предлагаем вам отправиться с нами. У нас есть то, что нужно вам, а у вас, то, что интересует нас, соответственно.

– Боюсь, что я не понимаю, о чем вы говорите,– бесстрастно ответил Рерих.

– Не прикидывайтесь, профессор,– фамильярно сказал Эрнст Шёбффер. – Мы прекрасно осведомлены в том, какие первоначальные цели преследует ваша экспедиция. Вы ищите следы протоцивилизации⁴ (*Протоцивилизация – это цивилизация, которая существовала до нынешней, нашей*). Как и мы. Нами движут разные намерения, но в конечном итоге цель у нас одна – затерянная страна Шангри-ла.

Никита Красновский, стоявший позади Рериха рядом с Юрой, удивленно посмотрел на молодого человека. Полковник хорошо понимал немецкий язык. Лицо Юрия покраснело. И не от мороза. Хотя он старался не подавать вида, что удивлен и смущен одновременно.

– Я по-прежнему, не понимаю, о чем вы говорите,– настаивал Рерих.

Шёбффер, вероятнее всего ожидая, подобного, залез рукой куда-то вглубь своей шубы и извлёк, что-то блестящее, сжимая это в одной руке.

– Так значит вам не знаком этот знак? Он показал, то, что было зажато в его руке Николаю Константиновичу. – Так что же вы его везде изображаете?

На ладони, одетой в кожаную перчатку, сверкнул драгоценный камень, похожий на сапфир, размером с гусиное яйцо. В центре красовались три круглых отверстия, как-бы образующих треугольник.

Рерих замер. Он чувствовал, как сердцебиение отбивается у него в висках.

– Я отвечу за вас,– продолжил Шёбффер. – Мы ищем карту, которая приведет нас в Шангри-ла, а вы знаете, где она находится. И вы отведете нас к ней. И может быть, вы даже знаете, как воспользоваться камнем. Это ключ?

Рерих молчал. Долго обдумывая, что ответить.

– Туда, куда мы направлялись – нас не пропустят. Мы приняли решение свернуть лагерь и вернуться назад. Моя жена больна.

Шёбффер повернулся к своим людям, и жестом показал одному из них подойти.

Приглядевшись, группа Рериха поняла, что перед ними женщина. Дубленка на ней была, скорее всего, из оленьей кожи, с большим меховым воротником из горностая и в такой же меховой шапке. Практически все её лицо закрывал мех.

– Это фрау Шварц. Она наш врач,– представил женщину Эрнст Шёбффер.

– Луиза, – обратился к ней дипломат, – осмотрите больную.

Фрау Шварц взяла под руку Юрия, как бы спрашивая, куда пройти. Парень, чуть поколебался, но увидев одобрительный кивок отца, повел её в палатку к матери.

Буддийский лама, внимательно следил за диалогом и действиями людей. Не ясно, понимал ли он, о чем говорят мужчины, но сидел он весьма сосредоточено. Не двигаясь и чуть дыша.

– Как видите, – мы хорошо подготовлены, – продолжил немецкий дипломат, имея в виду и врача, и вооруженную охрану своего эскорта. – А насчет тибетских властей, можете не переживать – мы с ними договорились. Они всех нас пропускают.

Шёбффер умолчал о перебитом ими прошлой ночью лагере повстанцев.

Рерих не хотел соглашаться на путешествие с немцами. Он готов был сотрудничать с кем угодно, только не с ними! Он их не любил. Не любил со всей страстью русского человека, пережившего первую мировую войну.

А сегодня утром, глядя на жену, он на самом деле решил повернуть назад. Её жизнь была дороже любых артефактов. Однако тяжело спорить с вооруженными людьми. Да и к тому же Елене, действительно нужна была помощь врача.

– Я подробно расскажу вам, где, как я считаю, спрятана карта. В обмен на медицинскую помощь для моей жены. Но мы не сможем пойти с вами.

– Давайте начнем с того, что, из себя, представляет карта, – сказал Шёбффер, пряча драгоценный камень, назад, куда-то во внутренний карман шубы.

Николаю Константиновичу безумного хотелось взять камень в руки, и рассмотреть его поближе. Но то, что он огорчился, когда немецкий дипломат его спрятал, он всем своим видом старался не показывать.

– Шангри – ла, или как у нас принято её называть – Шамбала – это мифическая страна, – заговорил Рерих. – Нет никаких источников подтверждающих её существование, и никаких свидетелей пребывания там. Доподлинно неизвестно, находили ли её рыцари ордена иезуитов⁵, (*5 Орден иезуитов – мужской духовный орден Римско-католической церкви*) однако исследование Алтайского края привели нас сюда. А карта ордена, должна храниться во дворце Потала, резиденции Далай-ламы XIII.

Фрау Шварц вернулась из палатки Елены, и заговорила, обратившись к Шёбфферу:

– Женщина серьезно больна. Похоже на пневмонию. Без антибиотиков она долго не протянет.

– У вас есть нужные лекарства, фрау Луиза? – спросил дипломат.

– Есть. Но в ограниченном количестве. Сколько дней у нас в запасе?

Шёбффер посмотрел на Рериха:

– Дворец Потала находится в Лхасе, я правильно понимаю?

– Да, – ответил тот. – Столица Независимого Тибетского государства.

– Сколько приблизительно туда идти?

– Около недели.

– А обратный путь у вас займет гораздо больше времени. Да и то, без воды, еды и прочего инвентаря, мне кажется у вас мало шансов, – подвел и без того очевидный итог Шёбффер.

– Стало быть, мы отправляемся в Лхасу, – заключил Рерих.

Глава 2.

Путь экспедиции проходил сквозь снежный плен. Снегоходы «Ситроен» дважды застревали на непроходимых тропах, и наёмники, с помощью яков, помогали вытаскивать машины. Шёбффер периодически глотал таблетки от кишечных расстройств и горной болезни. Жена Рериха Елена Ивановна ехала во второй машине вместе с Луизой. Как и было обещано немцами, врач оказывала ей медицинскую помощь. Остальные из экспедиции Николая Константиновича продвигались вместе с наёмниками и нагруженными сумками животными.

Перевалы, долины, снова горы. Безумная красота снежных пиков, граничащая с безумством людей, пробивающихся сквозь стихию. Третьи сутки тряски в машине сказывались на немцах неблагоприятно. Они были крайне раздражительны. Преодолев высоты перевала и спустившись на несколько сотен метров, ничего, кроме песка, камней и редкой жесткой травы не было видно. Однако эти унылые пейзажи были потрясающе красивы. То облака зависнут над головой так низко, что их можно достать рукой, то горы окрасятся светом заходящего солнца, в нереально лилово-розово-голубые тона. Или неожиданно возникнут барханы из чистейшего морского песка – и это на высоте четырех тысяч метров! И еще огромные звёзды и очень близкая луна...

На пятые сутки пути пейзаж изменился. Потеплело, снега сменились горной породой вперемежку с зелёным ковром луговых тибетских трав. Группа спустилась в долину реки. Следую вдоль устья, за горами должна была показаться Лхаса. Здесь было решено сделать большой привал.

Пока наемники и трое немецких солдат, устанавливали палатки и камни для бани, остальные члены экспедиции собирали хворост и бревна для костра. Темнело. Симкха сидел в стороне, вместе с женой Рериха, только они не принимали участия в организации лагеря. Как успел для себя отметить лама, в первой машине, вместе с похудевшим, и страдающим от расстройства Шёффером, была еще одна женщина, а также худой и сутулый мужчина в круглых очках. Он постоянно что-то записывал. И речь его была не похожа на немецкую, которую Симкха периодически слышал от остальных. Женщина, как и прочие из группы, успела избавиться от огромной шубы и теперь выглядела очень грациозно. Несмотря на тряску и отсутствие нормальных условий, она была словно горная лань – тонкая и воздушная. Золотистые волосы, откинута на одну сторону, светлые глаза, аристократический нос – ламе она понравилась.

Слева от Симкхи, возникла фрау Луиза. Она тоже успела избавиться от дубленки и побывала в бане. Он её исходил приятный аромат лаванды.

– Как вы себя чувствуете?– обратилась она к Елене Ивановне.

– Спасибо, гораздо лучше благодаря вам,– ответила женщина.

– Антибиотики почти закончились, но я хорошо разбираюсь в травах, и здесь очень много лекарственных. С вами все будет хорошо,– Луиза Шварц улыбнулась. – Почему бы вам не искупаться?– и бросив беглый взгляд в сторону монаха, сморщив при этом нос, добавила: – И вам тоже!

– Он не понимает по-немецки,– ответила вместо Симкхи жена Рериха. Потом женщина что-то быстро сказала ламе. Тот замаялся и ответил.

Лама сказал: «Что если вас так беспокоит его запах, так не стойте рядом с ним», передала Елена Ивановна, пожимая плечами.

Луиза посмотрела на неё, потом на Симкху, фыркнула и ушла в направлении лагеря.

Под длинной бородой монаха заиграла улыбка. Он смотрел вслед женщине пересекающей поле. Она была невысокого роста, с фигурой, напоминающей собой гитару – тонкая талия и округлые бедра. На ней была надета шляпа с широкими полями, коричневая кожаная куртка, с белым мехом по краям, брюки – галифе и высокие кожаные сапоги, наподобие которых носили военные. Она не была похожа на тех женщин, которых он встречал раньше.

Воду из реки, набирали очень долго, и пока все привели себя в порядок, прошло много времени. Стояла глубокая ночь. Многие, успев поесть вяленого мяса и консервированной фасоли, уже спали.

Симкха сидел у костра рядом с Рерихом. Напротив были Шёффер с женщиной, которая уже успела представиться. Звали её фрау Петра Майер. Она была переводчиком у немецкого зоолога. А также двое военных чуть поодаль, что-то обсуждавшие между собой.

– Мы изначально были в курсе того, что вы отправитесь в Лхасу, профессор,– вел беседу Эрнст Шёбффер. – Почему не на гору Кайлас? Ведь следы Шангри-ла вели вас туда, в противоположную от этого места сторону.

Рерих отвечал не спеша: – Возможно, после Лхасы именно туда мы и отправимся. Или только вы, если позволите мне и моей семье остаться на китайской территории.

– И вы перестанете искать свою затерянную страну?!– удивился дипломат.

– Я бы не перестал, будь на то моя воля. Но у моей экспедиции заканчиваются силы. К тому же – всё это может оказаться мифом... Человеческая жизнь важнее.

– Посмотрим,– заговорила фрау Петра. – Вы утверждаете, что во дворце Потала, есть карты иезуитов, которые находили древний город. Что если только вы сможете нас туда отвести?

Симкха что-то сказал Рериху.

Петра Майер посмотрела на монаха, в её голубых глазах плясали огоньки. То ли от костра, то ли внезапной догадки.

– Думаю, вы не так просты, как кажется,– заговорила она на хинди, глядя на ламу. – Я говорю на многих наречиях, знаю и тибетский, и китайский. А вы, по всей видимости, понимаете по-немецки.

– Просто кое о чем догадываюсь,– на хинди ответил Симкха.

– Монах предложил обратиться к Далай-ламе, с просьбой доставить жену и сына Рериха в российское посольство в Индии. А профессору предложил свою помощь, если та понадобится,– объяснила фрау Петра Шёбфферу уже по-немецки.

В тени от костра появился силуэт полковника Красновского.

– Николаю Константиновичу необходимо выспаться,– обратился он к присутствующим. – Я возьму на себя обязанность отвести его в палатку,– говорил он по-русски.

Немцы, очевидно, поняли его и тоже засобирались по своим ночлегам.

– Свен!– прикрикнул Шёбффер на одного из солдат. – Сегодня ты дежуришь вокруг периметра,– и удалился к себе.

И только монах, погрузившись в раздумья, остался сидеть у костра.

Следующим утром, лишь только первые лучи солнца скользнули между горных вершин, экспедиция стала собираться в путь. Как только с завтраком из риса и тушеного мяса было покончено, группу ожидал неприятный сюрприз. Один из «Ситроенов» не смогли завести.

Чтобы не сидеть без дела, фрау Луиза решила прогуляться вдоль реки. Её интересовали лекарственные травы. Человек, который говорил по-немецки с акцентом, и ехал в одной машине с Шёбффером, вызвался её провести. Звали его Франк Хёден. Он работал геодезистом в одной шведской газете. Журналист должен был вести дневник экспедиции, который бы одобрил немецкий дипломат. А также заниматься изучением местности и составлять карты. И только недавно он понял, что с их миссией что-то не так. Хёден не верил в мистику, и Шангри-ла, но верил в силу информации и денег, которые ему были обещаны.

– Свен! – кричал и бегал по всему лагерю Шёбффер. – Ты осматривал мою машину!? А с животными что?!

Военный, которому больше всего поручений доставалось от зоолога, беспомощно разводя руками, бегал по периметру лагеря.

Луиза улыбнулась, услышав его голос издали. Швед, что-то рассказывал ей, но она его не слушала. Мыслями девушка была где-то далеко. Здесь ей впервые попались травы, о которых она только читала в медицинских справочниках.

Красновский, взявшись из-неоткуда, подбежал к Луизе и Хёдену.

– Вас ищет Шёбффер,– обратился он к шведу. Тот, откланявшись, отправился в сторону лагеря.

– Что это за цветки у вас в руках? – обратился Никита к девушке, на сей раз по-немецки.

Она подняла голову, и посмотрела полковнику прямо в глаза. Тот мгновенно стал пленником её прекрасного взгляда.

– Это амарант. Казалось бы, похож на обыкновенную щирицу, но этот вид растет только здесь. Он помогает при ожогах. И еще обладает антибактериальными свойствами.

Фрау Луиза спускалась по мягкому ковру из десятков видов трав.

– А вот это, – она наклонилась и сорвала стебель – горевчанка. Луиза принялась разглядывать растение. – Нужно чем-то подкапнуть корни. Они помогают при горячке и судорогах.

Девушка попыталась выпрямиться, но поскользнулась на влажной траве. Крепкие руки Никиты Красновского подхватили её. После того, как он не дал ей упасть, его руки, все еще держали хрупкое тело Луизы. Невидимая сила тянула его к ней. Ему не верилось, что она такая маленькая и беззащитная, отправилась в эту экспедицию. Ему не верилось, что она немка и враг.

Рерих с сыном наблюдали за ними.

– Красновский ведет себя как-то странно, – заметил Юра.

– Быть может, он заинтересовался молодым врачом Луизой.

– Да, возможно. Она очень красивая, – ответил сын.

Николай Константинович горько улыбнулся:

– И из лагеря противника. Хоть, и спасшего нас.

– Отец, как ты думаешь, кто мог рассказать немцам о нашей экспедиции? Это мог быть и полковник?!

– Не думаю, я ему доверяю.

– А может быть Симкха?

Оба повернули голову, в поисках монаха. Они сидели на огромном валуне, поэтому перед ними был весь лагерь, как на ладони.

– Он часто исчезает из вида, – заметил сын, повернувшись к отцу, когда они оба не увидели поблизости ламу.

– Вряд ли ему это нужно. К тому же он присоединился к нам только в долине Шенди.

– Я бы ему не доверял.

– Я думаю, что нам не стоит вообще никому доверять, кроме нас двоих и твоей мамы, – подвел итог Рерих. – Поэтому мы будем просить Далай-ламу о помощи, чтобы вернуться в Индию.

– А как же поиски Шамбалы?

– Да хоть поиски снежного человека! – воскликнул Николай Константинович.

Сын улыбнулся ему.

Рерих продолжил: – Мы собрали много материала, который теперь нужно обработать. Нам будет, чем заняться в Наггаре.

Кстати посмотри вон туда!

Юра повернулся в направлении, которое указал отец.

Лама Симкха стоял рядом с фрау Петрой. Они о чем-то беседовали, стоя совсем рядом друг с другом, и подавая сумки наёмникам, нагружавшим вола. На глазах Рерихов, ремешок от одной из сумок зацепился за подол юбки немецкой переводчицы. Она принялась крутиться вокруг своей оси, а монах пытался ей помочь, задирая подол юбки, чтобы освободить довольно стройные ноги.

Юра повернулся к отцу и пожал плечами:

– Фрау Петра, тоже очень красивая молодая женщина. А её взгляд, будто прожигает насквозь. Я бы на месте Симкхи, с трудом сдерживая себя, не смог бы пройти мимо.

Рерих похлопал сына по плечу: – Не знаю, давал ли Симкха обет безбрачия! Но сопротивляться чарам такой женщины, довольно тяжело.

Он почесал бороду и улыбнулся.

Глава 3

Последние сутки до Лхасы. На пути всё чаще попадались яки, медленно жующие скудную растительность. Зелень сменяли черные, красные и бурые кусты, желтые травы и лишайники. Облака густыми клубящимися рваными кусками переползали через горные хребты, спускались в ущелья, застилали дорогу непроглядным туманом. А затем, внезапно рассеиваясь, обнажали снежные вершины, манящие и вызывающие трепет. Время от времени, группа натыкалась на необычные сооружения, напоминающие не то стены, не то маленькие домики. Они состояли из острых неровных камней и были исписаны иероглифами. Как объяснял профессор, эти камни переносили сюда монахи через перевалы. Рисунки – это молитвы, а сами сооружения – святыни, и обходить, по местному обычаю, их следует только справа. Рерих – это знал. Домики экспедиция объехала по правую руку от себя. И вот сейчас, находясь на привале, и угощаясь пряным чаем с травами, Николай Константинович попросил Симкху передать ему чашку горячего напитка. Монах, сидевший справа и ближе к костру, не задумываясь, передал чай Рериху. Сделал он это левой рукой.

Рерих кивнул ламе в знак благодарности, и погрузился в свои мысли. Его размышления прервал журналист Хёден, который держал громоздкую фотокамеру и обращался к группе присутствующих:

– Давайте сделаем фотоснимок экспедиции для журнала.

Фрау Петра вскочила на ноги и быстро отбежала от общей группы.

– Магниевые вспышки плохо влияют на моё зрение, – заметила она, как бы оправдывая своё молниеносное бегство от прицела фотообъектива.

Когда группа, во главе с Рерихом, его сыном, буддийским ламой, Шёбффером и солдатом Зоргом, нехотя выстроилась перед Хёденом, позади журналиста возникла Фрау Луиза.

– Позвольте мне сделать снимок, – заметила она. – Я обожаю делать фотографии. А вы можете присоединиться к остальным.

Швед, обрадованный подобным предложением, подбежал к немецкому зоологу и, улыбаясь, замер. Так на фоне могучих Гималаев, появился снимок этой авантюрной и разношерстной компании.

Затем Луиза отправилась к своей пациентке. Русского полковника вообще нигде не было видно. Он лишь потом появился со стороны, где находились маленькие тибетские домики. Остальные продолжили пить чай. К ним молча присоединилась Фрау Майер. Потекла беседа, лишь иногда прерываемая смехом военных и немецкими ругательствами. Петра хотела было уйти, чтобы, как полагается даме, не слушать крепкие мужские выражения. Как вдруг – она вскрикнула и ткнула пальцем в сторону, где находился Никита Красновский.

Русский офицер сидел на небольшом камне поодаль от костра. Он чистил свою одежду, когда его стало знобить. Его сильные плечи охватило судорогой, а лицо посинело, и он упал навзничь.

Увидев реакцию Петра, и бьющегося в судорогах Красновского, Эрнст Шёбффер приказал Зоргу:

– Приведи скорей Луизу!

Немецкий солдат бросился искать врача. Девушка в это время уже покидала палатку жены Рериха. Услышав от одного из охранников Шёбффера, что русскому офицеру плохо, она побежала к нему на помощь.

В это время Симкха и Николай Константинович уже положили Красновского на одеяла рядом с собой.

Луиза упала на колени возле полковника и принялась осматривать его. Красновский бился в судорогах и хватался за живот. Девушка положила его на бок и стала раздевать.

– Что ты делаешь?! – испугано вскрикнула Петра Майер.

Все столпились вокруг Луизы и посиневшего офицера, не понимая, что с ним происходит.

– Кажется, его что-то укусило!– ответила Луиза, ощупывая ноги Красновского. Наконец она нашла покрасневшее место укуса, чуть ниже колена, там, где заканчивалось голенище сапога офицера. Луиза подняла глаза на собравшихся, чтобы выбрать себе помощника. Её взгляд встретился с испуганной Петрой.

– Срочно неси горящую палку из костра! Место укуса необходимо прижечь,– обратилась она к женщине. Та немедленно бросилась исполнять её просьбу.

Затем Луиза повернулась к Эрнсту Шёбфферу:

– А вы герр Шёбффер, несите самый крепкий алкоголь, что у вас есть!

Немецкий дипломат покраснел.

– Да я крепче пива ничего не пью,– запротестовал Шёбффер, но увидев взгляд горящих глаз Луизы, осекся: – Кажется, господин Хёден дарил мне бутылку шведской водки.

И пошел к себе на её поиски.

В это время полковника уже рвало. Луиза повернула его голову вниз, чтобы он не захлебнулся. Она поглаживала его по спине и шептала, что все будет хорошо.

Петра принесла горящую палку, и Луиза стала прижигать место укуса. Никита Красновский закричал от боли и стал вырываться. Доктор уже собралась просить кого-нибудь из присутствующих, о помощи, чтобы придержать полковника, но её опередил монах. Он все понял без слов. Крепкие руки ламы обхватили Красновского и прижали к земле. Луиза смогла прижечь рану.

Когда вернулся Шёбффер с бутылкой в руке, Красновского уже перестало рвать. Водку открыли, и Луиза стала заливать её в горло полковнику. Тот вырывался, но Симкха всё еще продолжал держать его.

– Нужно отнести его в палатку и полностью раздеть,– приказала девушка. – А я пока сделаю отвар из кореньев и схожу за клизмой.

Присутствующие переглянулись.

– Я для русских итак уже слишком много сделал,– сказал Шёбффер и отступил в сторону. Никто из его солдат тоже не собирался помогать.

Красновского понесли в палатку Симкха с Николаем Константиновичем. Фрау Петра пошла следом за ними.

«Наверное, не терпится посмотреть на обнаженное мужское тело», – подумала Луиза и побежала за своими травами.

К вечеру опасность для жизни офицера миновала. Луиза сделала ему клизму, напоила настоем из трав. Красновский спал. Девушка попросила сына Рериха подежурить возле него и поить водой, как только тот проснется.

Луиза пошла к себе в палатку. Волосы на голове сбились в один комок, а растрепавшиеся пряди падали на лицо. Брюки были безнадежно испачканы травой и грязью. Она зашла и увидела, сидящую, на спальном мешке Петру. Палатка была их общей, но женщины практически не общались между собой. Любвеобильная Петра раздражала чопорную Луизу. Не зря фрау Майер ехала с комфортом в автомобиле Шёбффера. Что их связывало, Луиза точно не знала, но догадывалась. Она не понимала, что заставило такой «нежный цветок», как Петра, отправиться в такое опасное путешествие.

Петра выглядела уставшей, но, тем не менее, она была сама элегантность, как всегда. Волосы были собраны в высокую причёску, так что ни один волосок не выпадал. Рубашка на ней была белой, без единого пятнышка, а высокий гофрированный ворот, поддерживал длинную тонкую шею. В руках у неё была фляжка с коньяком. Луиза знала, что Петра носит её за ремешком своих чулок, она также знала и про пистолет, который женщина носит там же.

– Посмотри на себя!– вскинула бровь Петра. – Ты выглядишь ужасно!

– Как раз пришла переодеться,– ответила Луиза. – Я спасала жизнь человеку, как я, потвоему, должна выглядеть?

Девушка присела рядом со своим чемоданом.

– Ах да, прекрасному русскому полковнику,– прощепетала слегка опьяневшая Петра. – Между вами что-то есть? Он такой красавчик...

Луиза посмотрела на фрау Майер с неприкрытым недовольством.

– А между вами с Шобффером? Или с этим огромным ламой?

Петра мечтательно улыбнулась и подняла глаза к потолку палатки:

– Хотя это и не твое дело, но Шобффер уже давно мне намекает на близость, но я так сказать «мариную» его.

Луиза достала чистую одежду и принялась переодеваться. Юбки в походе она исключала, поэтому снова принялась надевать брюки-галифе. На этот раз черные. Она улыбнулась:

– Я знаю таких, как ты! Пользуешься своей красотой и вьёшь из мужчин веревки! Но ты далеко не девственница, тут ты меня не проведешь.

– А я и не собираюсь никого обманывать,– рассмеялась Петра.– Знаешь, что я бы сделала с этим монахом! Нет? Не знаешь? Не хочу будоражить твоё воображение! Ты для этого слишком целомудренно себя ведешь.

Фрау Майер сделала еще один глоток из фляжки.

– Но, к сожалению, лама сказал мне, что он дал обет безбрачия. И от этого еще обидней, что такое загорелое тело пропадает!

Луиза фыркнула и добавила:

– Зато смотрит на тебя он довольно плотоядно.

– Как и твой русский офицер на тебя,– парировала Петра.

– Между нами ничего не может быть. Мы из разных миров.

– Тебя никто за него замуж не выдает. Можешь строить из себя недотрогу, но я неоднократно слышала, как ты ругаешься – приличные леди, так не ругаются. Так что никто не будет тебя осуждать, за проведенную с ним ночь.

– Боюсь, что сейчас ему не до этого.

Луиза быстро оделась и вышла из палатки. Через секунду она столкнулась с Симкхой. Она оказалась препятствием у него на пути. Монах поднял её аккуратное тельце над землей, и молча переставил в сторону, так будто она не весила ни грамма. И продолжил дальше свой путь. На лице у него играла улыбка, будто он не случайно оказался рядом с палаткой двух женщин. Но к счастью со спины его улыбку нельзя было разглядеть.

За ужином собравшиеся у костра, принялись расспрашивать доктора Шварц, что же случилось с полковником.

– Я считаю, что его укусил паук. Самка каракурта, если точнее. Судя по укусу, да и симптомы очень на то похожи, хотя я пыталась найти самого паука, но безуспешно. Видимо он как-то оказался в его сапоге и полковник его придавил. Так как обычно эти особи первыми не нападают,– рассказала Луиза.

– Вот видите, профессор,– сказал Шобффер и повернулся к Рериху. – Мы уже второй раз спасаем вашу экспедицию. Теперь вы еще больше нам обязаны.

Фрау Майер, которая сидела рядом с Шобффером, нежно взяла его под руку и похлопала по плечу.

– Это так,– согласился Рерих. – И я вам отвечу благодарностью за это. Я расскажу все, что знаю о картах и камнях, наподобие того, которым вы владеете. Но я, так же как и вы, «хожу в темноте», так как всего не знаю. Правда – сокрыта от всех нас.

– Думаю вместе, мы разгадаем загадку мистической страны,– подвел итог немецкий дипломат.

– А как насчет сокровищ, спрятанных орденом подальше от посторонних глаз? Если предположения, что же это может быть – драгоценные камни или золото?– поинтересовался шведский журналист, пытаясь расправиться с жестким куском вяленой говядины.

– Это могут быть знания,– ответил Рерих улыбаясь.

– Значит, мы идем неизвестно куда, рискуя жизнями ради знаний?!– удивился Франк Хёден и чуть не подавился куском мяса.

– Это не имеет значения мистер Хёден,– сказал Шёбффер. – Вы здесь исключительно для описания и хронологии событий. Мы должны доказать всему миру, что Германию, нельзя унижать! Республика ещё «встанет с колен»! И эти проклятые коммунисты еще заплатят за все сполна! Если мы найдём Шангри-ла, мы станем обладателями таких знаний и способностей, что сотрём с лица Земли всех своих врагов!

Дипломат покраснелся, а Петра прижала его голову к своему плечу и успокаивала. У костра воцарилось молчание.

Юра подбежал к Луизе, чем вывел девушку из легкого оцепенения:

– Никита пришел в себя, и зовет вас.

– Иду,– ответила девушка и пошла к Красновскому.

Полковник лежал накрытый одеялом. Под ним он был полностью голым. Синева сошла с тела и лица, но широкие плечи и лоб были покрыты каплями пота.

– Это вы меня раздели?– первое, что он спросил, когда Луиза вошла.

– Нет,– ответила девушка, слегка покраснев. – Фрау Петра была столь любезна, что предложила свою помощь, в этом деликатном деле.

Красновский разочаровано вздохнул.

– И это все что вас интересует?!– удивилась Луиза. – Вас укусил каракурт, вы чуть не погибли! А вам нужно знать, кто вас раздевал?!

Луиза подошла к больному и положила руку ему на лоб. Жара не было.

– Хочу сказать, что хоть раздевала вас и не я, но растирать ваше тело водкой, все же пришлось делать мне. И клизму вам тоже ставила я.

Настала очередь краснеть полковнику.

– Спасибо, что не дали мне умереть, – выдавил он из себя и поцеловал ей руку.

– Еще рано делать выводы. Вам нужно в больницу, под капельницу. У меня нет с собой необходимых растворов,– ответила Луиза и убрала руку. – Как вы себя чувствуете?

– Чувствую слабость и головокружение.

– Если это все же каракурт – вы еще пару недель будете себя плохо чувствовать. А пока буду отпаивать вас водой, чаем и травами. Вам повезло, что вы помогли мне накопать корней горевчанки, тогда, у реки. Это она спасла вам жизнь.

– Значит вы, Луиза – мой ангел-хранитель!

Девушка отвела взгляд в сторону и горько улыбнулась. Налила воды в стакан и протянула Красновскому.

– Поправляйтесь, господин полковник,– сказала она и вышла из палатки.

Окаймленный, со всех сторон горами, вдоль устья одноименной реки спрятался город Лхаса. Дорога, проходящая сквозь ущелье, постепенно расступилась и перед взором экспедиции появилась вереница белостенных домиков, а за поворотом предстало величественное сооружение, чем-то напоминающее средневековый замок. Сооружение возвышалось на холме над городом. Дворец Потала. Он был настолько огромным, что в нем с лёгкостью поместились бы все жители столицы Тибета.

Дорогу группе перегородили военные, с оружием на изготовке. На фоне тибетского ополчения выделялась часть солдат в красных мундирах. Один из них, судя по нашивкам на форме –старший офицер, вышел на несколько шагов вперед. Шёбффер вылез из своей машины, а за следом за ним подтянулись и остальные.

– Приветствую вас,– заговорил офицер на английском. – Меня зовут Джон Ньюман. Я полковник Соединенного Королевства. В данный момент, исполняющий обязанности охраны Его Святейшества Далай-ламы XIII,– представился «красный мундир», и добавил: – Назовитесь, чтобы мы могли опустить оружие.

Рука немецкого военного Кёлера, охранявшего Шёффера, подрагивала в кармане на рукоятки маузера.

– Меня зовут Эрнст Шёффер. Я австрийский зоолог, а также криптозоолог⁶ (*6Криптозоология – неакадемическая наука, предметом изучения которой, легендарные, исчезнувшие, несуществующие виды животных*). Являюсь представителем этой экспедиции и обладаю дипломатической неприкосновенностью.

Шёффер протянул британскому полковнику официальное письмо, которое вытянул из своего кейса.

Юрий, стоявший вместе с Рерихом, неподалёку от Шёффера, шепнул на ухо отцу:

– Криптозоолог. Все-таки нужно было рассказать ему сказку, про то, что мы ищем следы снежного человека в горах. Он бы поверил.

Рерих улыбнулся сыну.

Британец долго перечитывал письмо, затем взглянул в разношерстную кампанию перед ним. Миниатюрная блондинка, стоявшая рядом с немецким дипломатом, подошла ближе и протянула офицеру руку.

– Меня зовут Петра Майер,– представилась она. – Я переводчик. Джон Ньюман, очарованный голубыми глазами девушки, расплылся в улыбке и поцеловал ей руку. Когда он, наконец, смог оторвать свой взгляд от неё, он разглядел в толпе знакомое лицо. Человека с седой бородой и в круглой шапочке он определенно знал.

– Господин Николай Рерих!– воскликнул британский полковник.– Это же вы?! Что же вы молчите!

Рерих вышел вперед. Следом шел Святослав и Елена Ивановна.

Джон Ньюман бросился к Николаю Константиновичу и стал пожимать ему руку. В тот же момент он кивнул военным, чтобы те опустили оружие.

– Я восхищаюсь вашими работами! Я слушал ваши лекции в Кембридже! А декорации в опере, сделанные вами – это нечто волшебное! – трелью разливался «красный мундир», увлекая за собой Рериха и его семью.

– Машины в гараж, животных в наши денники, наемников накормить,– отдавал налету распоряжения британец. – Экспедицию разместить во дворце. Добро пожаловать в Лхасу!

Глава 4.

Дворец Потала, снаружи казавшийся огромным трапециевидным сооружением красного и белого цвета, внутри оказался еще более величественным. Он состоял из двух Дворцов, Красного и Белого, соответственно. Хотя выглядел единым комплексом. Выдержанный, в типичном для Тибета архитектурном стиле, он являлся ярким творением тибетских архитекторов и мастеров. Гостей вели по бесконечным белым ступеням вверх. Казалось этой «витиеватой змейке» не будет конца. Их провели через бесчисленное количество коридоров Красного дворца, освещаемые масляными лампами и украшенные шелковыми лентами и сутрами⁷ (*7 Сутры-тексты религиозных высказываний*). После бесчисленного количества переходов группа оказалась в Белом Дворце, предназначенном для приема гостей. У любителя денежной наживы шведского журналиста Хёдена, «загорелись» глаза и вспотел лоб, от богатого религиозного убранства зала. Тот, включал в себя слоновые бивни из Индии, фарфоровые вазы, миниатюрные пагоды, выполненные из тысяч жемчужин, стены, украшенные традиционными тибетскими росписями с драгоценными камнями.

Гостей привели в Солнечный павильон Белого Дворца, где их ожидал небольшого роста монах в дорогой на вид кашае. Его бритая голова, казалась несоизмеримо большой по сравнению с щуплым телом и была похожа на репу.

– Добро пожаловать во Дворец, – заговорил он по-английски. – Меня зовут Чию Гоче – я помощник Его Святейшества Далай-ламы XIII.

Петра Майер сдвинула свой смех. Луиза Шварц, стоявшая чуть позади, ткнула девушку в спину и прошептала: «Что смешного?»

– Видишь ли, – тихо ответила Петра, на тибетском наречие «Чию Гоче» – означает – «собачонка с большой головой».

– Имя ему подходит, – шепнула, улыбаясь, Луиза.

Монах тем временем продолжал:

– Сейчас я покажу вам ваши комнаты, а слуги помогут собраться к ужину, который состоится в Большом Западном зале Красного Дворца в шесть часов вечера. Не опаздывайте. Дорогу вам укажут.

– Простите, – сказала Луиза. – С нами два человека, которые нуждаются в медицинской помощи, – девушка указала на бледного полковника и жену Рериха, которые уже явно задыхались от бесконечного количества подъемов и переходов Дворца.

– О них позаботятся, – улыбнулся помощник Далай-ламы, и кивнул двум слугам позади него. – У нас есть небольшой лечебный центр.

Все разбрелись по своим комнатам, кроме ламы Симкхи, который из-за высокого роста согнулся «пополам», чтобы поговорить с Чию Гоче, и отправился вслед за ним.

Ровно в шесть вечера Луиза спустилась к ужину в Большой Западный зал. Хотя слово «Огромный», подошло бы куда больше, если описывать это место.

Стены, покрытые золотом и расписанные сценами из жизни Далай-ламы, в персидском стиле. Вокруг зала стояли исполинских размеров колонны, обернутые драгоценной тканью. Колонны разделяли зал на несколько частей. В самом центре стоял огромный накрытый стол. Во главе стола, на золотом троне восседал пожилой мужчина с усами и в остроконечном черном головном уборе. Одет он был в монашеское одеяние черного цвета, расшитое на китайский манер золотыми витками. Рядом за большим столом сидел помощник Далай-ламы – Чию Гоче.

С одной стороны стола сидел Рерих с сыном и полковник Джон Ньюман, с ещё одним офицером, а напротив офицера, рядом с ламой Симкхой, спиной к Луизе сидел плотный мужчина в синем костюме с тюрбаном из дорогой кисеи с золотом на голове.

Шёффера, Хёдена и Петры еще не было, места за столом пустовали. А Елена Ивановна и Красновский остались на лечении.

Луиза подошла к Далай-ламе, сложила ладони перед собой на индийский манер, и поприветствовала Его Святейшество по-английски, добавив индийское «Намастэ» и поклонилась.

Далай-лама кивнул в ответ и предложил жестом присесть за стол. Фрау Шварц заняла пустое место рядом со Святославом. Чтобы разбавить тишину, воцарившуюся в зале, девушка представилась, а британский полковник представил в ответ своего офицера, а также человека напротив. Им оказался индийский раджа штата Бихар – Аджит Раджан Бхагалпур, гостивший у Его Святейшества уже вторую неделю.

Через несколько минут появился Шёффер со своей свитой, поприветствовав Далай-ламу, они заняли свободные места за столом рядом с раджой. Петра ещё на пороге зала, привлекла внимание всех мужчин. Луиза даже пожалела, что в её гардеробе, кроме рубашек и брюк, была всего одна юбка. Фрау Майер была одета в длинное платье алого цвета, вручную расшитое пайетками, с белой накидкой из меха кролика на плечах. Светлые волосы были собраны шпильками вверх, и лишь один непослушный локон выбился из прически и обрамлял высокую тонкую шею девушки. Полковник Ньюман буквально выпрыгнул из-за стола, отодвигая для Петры стул, чтобы она присела на своё место.

Слуги принесли зеленый чай в расписных металлических чайниках и разлили каждому в чашку из красивого тонкого, почти прозрачного фарфора. Далай-лама, жестом, пригласил всех присутствующих, помолится перед трапезой. Внесли закуски, в основном состоящие из молока: несколько видов сыра, нечто напоминающее яичный омлет и цампу (хлеб, который изготавливают из обжаренной муки, сыра и молока яка). Все это подавалось с овощами.

– Мне нужно знать от вас только правду, – начал разговор Его Святейшество, отпив из чашки немного чая. – Какова цель вашей экспедиции?

Шёбффер, неспешно ответил:

– Как вы наверняка знаете – Германия потерпела поражение в войне. Страна в плачевном состоянии, она несёт большие убытки. Все свои колонии она отдала странам Антанты⁸ (*8 Антанта-военно-политический блок России, Великобритании и Франции во время I Мировой Войны*). Последней каплей стали непомерные репарации, которые Германия выплачивает странам победительницам. По правде сказать, мы ищем новые капиталовложения, новые торговые пути, возможно даже новые источники для обогащения страны. Наши методы – не всегда законны, но в условиях шаткого мира и бесконечных революций – я считаю – это вынужденные меры. Попутно я занимаюсь исследованием различных видов животных и растений (и это было отчасти правдой), для воссоздания утраченной после войны флоры и фауны государства.

– Я прочитал ваше официальное письмо, – сказал Далай-лама. – Мы здесь, тоже находимся в состоянии, если не войны, то революции, по крайней мере. Китайские власти давят на нас, они хотят заполучить территорию Тибета в качестве своей провинции. Они убивают моих людей, уничтожают наши монастыри. Поэтому мы просили о помощи Британию и её колонию – Индию. Тибет был отрезан от Мира. Сейчас у нас есть действующий телеграф, благодаря нашим союзникам. В ближайшее время, я надеюсь, мы запустим телефонную линию и начнем разработки строительства железнодорожного сообщения, что не так просто в горах...

– Чему мешает также ваша религия! – воскликнул возмущенно британский полковник. – Горы – для буддистов священны, обходить их можно только с одной стороны, туннели прокладывать нельзя – это их осквернение! Такими темпами мы будем договариваться очень долго!

– Тем не менее, у нас будет сухопутный путь до самого Бомбея, – спокойно ответил британцу Его Святейшество. Затем он обратился к Шёбфферу: – Поэтому, что бы вы ни искали, я надеюсь, вы это найдете. А часть средств – пойдет в казну Тибета. Я готов предоставить вам свободу действий, в разумных пределах. Мои люди окажут вам содействие.

Николай Константинович отложил вилку: – Позвольте сказать, что ваши люди задержали нас на перевале Чантанг. Мы едва не погибли от мороза и голода. Если бы не немецкая экспедиция, в составе которой мы оказались, я бы сейчас перед вами не сидел, и не наслаждался едой.

– Уверяю вас – это были не мои люди, – все также спокойно говорил Далай-лама. – Тем не менее, я сделаю все возможное, чтобы сгладить этот инцидент.

– Профессор Рерих – очень известная личность, – сказал полковник Ньюман. – Он уважаемый художник и археолог. Я восхищаюсь его работами!

– Я слышан о господине Рерихе, – ответил лама.

– С вашего позволения, – сказал Николай Константинович, я бы хотел, чтобы мою семью, вместе с нашим полковником, который был укушен каракуртом, помогли доставить в мою резиденцию в Наггаре.

Далай-лама кивнул в сторону индийского раджи: – Господин Аджит Раджаи, завтра отбывает к себе домой. Я думаю, он доставит в Индию вашу семью в целостности и сохранности.

– Разумеется, Ваше Святейшество, – ответил раджа, сложив ладони и наклонив голову в знак уважения.

Слуги внесли в зал большие алюминиевые разносы с супом и традиционное блюдо Шо – отваренную в простокваше баранину. Суп тоже оказался на основе молока с травами. По залу разлился приятный пряный аромат.

– Мы слышали, во Дворце есть старинные карты ордена иезуитов, – заговорила фрау Петра Майер. – Скажите, мы могли бы их изучить? Это нужно для наших исследований, – её голос был мягким и вкрадчивым. Она говорила, глядя прямо перед собой, наслаждаясь вниманием противоположного пола. Но фраза все-же была обращена к Его Святейшеству.

– Ваш соотечественник Йоганн Грюбер, вместе с Альбертом д'Орвиллем совершили путешествие из Пекина в Индию в семнадцатом веке. Они везли в Рим какие-то секретные документы, – сказал прекрасно осведомленный в этом вопросе Далай-лама. – Поскольку морской путь был закрыт из-за осады Макао голландскими колонизаторами, они добирались по суше. Они смогли преодолеть горные отроги Гималаев и оказались в Тибете. Католические миссионеры пробыли здесь недолго, чуть больше месяца, однако оставили после себя огромное количество карт, математических и астрономических исследований. Йоганн Грюбер даже помог в перестройке Дворца, часть стен и сводов которого, были разрушены землетрясениями и войнами. Через полвека сюда прибыл ещё один католический миссионер, итальянец – Ипполито Дезидери. Он прожил во Дворце больше года и расшифровал некоторые послания предшественников. Как позже выяснилось – кое-что он увёз с собой. Я могу только догадываться, – Его Святейшество на секунду замер размышляя и поправляя свою остроконечную шляпу, – но именно его труды и привели вас сюда. И возможно вы что-то выкрали у ордена, то, что вывез отсюда Дезидери.

Все в зале молчали, даже перестали есть. Шёбффер размышлял, стоит ли рассказывать ламе о камне, и решил, что пока не стоит.

Монах обвел взглядом всех присутствующих и продолжил:

– Я знаю, что вы ищете. Но поверьте – найти это сможет только чистый душой человек.

– Мы обещаем, что не навредим вашей стране. А если всё получится – даже обогатим её, – сказала Петра. – Нам только нужен доступ к этим картам, с вашего позволения.

Далай-лама задумался. Потом он переглянулся с помощником, и как показалось присутствующим, о чем-то объяснился с ним, не используя при этом слов.

– Хорошо, – в конечном итоге изрек он. – В вашем распоряжении доступ к нашей библиотеке и обсерватории, которые находятся в Красном Дворце. В остальные помещения Красного Дворца – вам входить запрещено. В Белом Дворце – вы гости, слуги в вашем распоряжении. Все этажи, кроме самого нижнего вы можете использовать, пока живете у нас. Нижний северный этаж хранит наши святыни, вы не являетесь буддистами, и не можете туда входить.

Далее разговор шел непринужденно, лишь временами возникали конфликтные политические темы. Слуги убрали со стола все лишнее, и принесли чай Бо – масляный напиток на основе сорта чая Пуэр, вываренный в молоке. Луиза радовалась, что сейчас они живут не в палатках, иначе всем пришлось бы нелегко справлять свою нужду на улице, после такого количества лактозы, которое они потребили за сегодня. Она просмеялась про себя, но её лицо отрадило внутренний смех. Лама Симкха, сидевший напротив, рядом с индийским раджой, заметил её улыбку. Взгляды Луизы и монаха встретились, девушка перестала улыбаться и отвела взгляд.

После тринадцатой выпитой чашки чая Бо – Луизе было уже не так весело. Но тибетцы все наливали – и пили, наливали – и пили. При этом слуги все передавали и ставили с правой руки. Левая рука в Тибете считается «нечистой». Девушка не знала, можно ли извиниться и выйти из-за стола, или это будет считаться неуважением к хозяину. Однако внутри её тела уже был наполнен аквариум – хоть рыбок запускай! Её опередил Далай-лама. Его Святейшество встал со своего золотого трона, пожелал всем хорошего вечера. Помощник шел следом за ним.

Но уходя, Далай-лама повернулся, вспомнив, о чём-то важном. Он повернулся к присутствующим:

– Кстати, карты ордена стали очень хрупкими от времени. В библиотеке особый климат, поэтому изучать их можно только там. Выносить из помещения, строго запрещается!

И не спеша удалился, при этом шурша по полу длинным подолом своего дорогого убранства.

Глава 5.

– Мы провели здесь уже неделю, но так и не продвинулись в изучении карт!– воскликнула Петра, склонившись над большим столом, полностью заваленным бумагами.

Напротив неё стоял шведский журналист Франк и в задумчивости покусывал дужку своих очков. Шёбффер развалился в кресле у ближнего угла огромной библиотеки дворца и читал Священное писание, принадлежащее миссионеру Йоганну Грюберу. Луиза стояла на самом верху огромной лестницы у книжных полок, которые шли по кругу, поскольку само помещение библиотеки было круглым. Внизу находился Рерих, и тоже что-то перечитывая, периодически общался с девушкой. После отъезда полковника Красновского, жены и сына Николая Константиновича в Индию, вместе с раджей Аджитом Раджаном, Луиза была тем человеком, с кем Рериху было приятнее всего общаться. Можно даже сказать, что они нашли общий язык. Лама Симкха часто уходил с остальными монахами медитировать, то в горы, то в пагоды Красного Дворца. Но, бывали моменты, когда Луиза заставляла его медитирующим в обсерватории, которую она часто посещала, чтобы отдохнуть от окружающих или просто подумывать. Тогда они сидели вдвоём молча, какое-то время, и уже стали привыкать к своему безмолвному общению. Иногда девушка описывала то, как ненавидит эту красотку Петру, в самых ярких прилагательных, зная, что монах, все-равно, её не понимает. А ей становилось легче. Однажды ночью они особенно долго пили чай Бо, который уже успели полюбить и смотрели на звезды, сквозь круглый купол обсерватории. Купол, поистине был удивительным: стёкла соединялись между собой в некое подобие мозаики, их разделяли прямые линии из тонкого металла, а также фигуры, имитирующие звёзды и планеты. С одной стороны помещения, на ступеньках стоял телескоп, направленный к стеклянному потолку, с другой – старинные водяные часы, изготовленные из дерева исписанные белыми иероглифами и пассажный инструмент, для ручного определения времени по звездам. В центре под куполом находился небольшой стол, с отверстиями на крышке и маленькими ящичками для карт и хронографов.

Девушке также не хватало русского полковника, она часто о нём думала, переживала, как он себя чувствует. Когда Красновский уезжал, Луиза передала ему своих трав, посоветовав заваривать их в чай. Он принял травы с благодарностью, поцеловал ей руку и долго смотрел в её бирюзовые глаза. Возможно, при других обстоятельствах, у них бы могло что-нибудь получиться. Теперь Луиза была рада хотя бы присутствию огромного молчаливого ламы.

За Петрой все время увивался британский полковник. В последние дни они даже стали вместе завтракать, и мило беседовать, чем дико бесили Шёбффера.

– Здесь сотни карт, и ни одной буквы, только цифры!– жаловалась собравшимся в библиотеке фрау Майер.

– Я тоже не ожидал, что их будет так много!– возмущался Франк Хёден.

– Возможно – это координаты широты и долготы,– заметил Шёбффер, оторвавшись от книги.

– Мы все это уже проверяли, цифры абсолютно хаотичны, нет привязки к географическим координатам,– ответила Петра.

– В хаосе тоже есть порядок, – подал голос из-за книжных полок Рерих. – Должна быть какая-то система. Просто мы её не нашли. Пока не нашли.

– Хотелось бы, чтобы мы её обнаружили. А вы, профессор, мало чем помогаете, – заметил Шёбффер. – Не стоило отпускать вашу семью, тогда бы вы работали упорней.

Рерих мысленно послал его к черту.

– И для чего вообще нужен камень? – возмущался Хёден.

– Не знаю, – ответила Петра, и вдруг подняла свои глаза и посмотрела как-бы сквозь журналиста. – Но я, кажется, догадываюсь, кто может знать! – её осенило.

– И кто же? – спросил швед. Шёбффер заёрзал в кресле.

– Йоганн Грюбер!

В библиотеке воцарилась тишина.

– Но он же давно умер! – не выдержал Хёден.

– Вот именно, – Петра загадочно улыбалась. – Мы вызовем его дух, с помощью Спиритического сеанса! Не зря же руководство направило меня сюда. Я ведь не только переводчик, но и пробовала себя несколько раз в качестве медиума на подобных сеансах.

– Мне нравится эта идея! – воскликнул Шёбффер, закрывая книгу.

– Соберемся сегодня ночью, в полночь, здесь. Я все подготовлю, – сказала Фрау Майер и отошла от стола, погружившись в собственные мысли.

– Я в этом не участвую, – твердо заметил Рерих.

– Но нас должно быть, хотя бы пять человек, – возмутилась Петра, поворачиваясь к профессору.

– Лучше я отправлюсь в горы сегодня вечером, медитировать с монахами. Спиритические сеансы – это не богоугодное дело, – заметил Николай Константинович.

– Сказал человек, который ушел от православия к буддизму, – парировала Петра.

– Я по-прежнему соблюдаю каноны церкви. Но теперь я еще и уверен в существовании религии, объединяющей в себе все остальные практики – проторелигия, если хотите.

– Ваше дело, можете не присутствовать на сеансе. Попросим полковника Ньюмана поучаствовать с нами, – ответила девушка.

– Или майора Кёлера! – воскликнул Шёбффер и так резко возник рядом с Петрой, что та, даже подпрыгнула.

– Луиза, вы с нами? – спросил он, поднимая голову вверх, поскольку фрау Шварц все еще стояла высоко на лестнице у книжных полок.

«Видимо придется, вы же от меня не отцепитесь», – про себя подумала она, а вслух сказала:

– Конечно!

Когда чуть за полночь Луиза вошла в библиотеку, всё уже было готово к сеансу. Комнату освещали только свечи, все собравшиеся сидели за столом. На Петре было черное платье с длинными рукавами и большим декольте. Волосы она каким-то образом уложила крупными волнами по последней моде. Луиза решила надеть коричневую атласную рубашку в крупный белый горох с объемным бантом, вокруг горловины. Свои огненные локоны она перехватила шелковой лентой. Девушка нашла в своем чемодане одну-единственную юбку, и решила надеть её. Юбка была шерстяной, прямого покроя, длиной чуть выше щиколоток. Она даже обула туфли, вместо своих бессменных высоких кожаных сапог. Луиза выглядела очень мило и нежно, а Петра загадочно и соблазнительно. Между молодыми женщинами возникло негласное соревнование, в том, кто же из них красивее. И это в двенадцать часов ночи! Отъевшись за неделю бараниной и козьим сыром, Шёбффер снова округлился. Сквозь серую рубашку стал выпирать живот. Он довольно поглаживал лысеющую макушку головы и совсем не выглядел сонным, в отличие от Хёдена. Британского офицера решили не приглашать, чтобы постараться сохранить сеанс в тайне. Поэтому рядом с дипломатом сидел его охранник – Рудольф Кёлер. Один его взгляд, внушал страх. Глаза излучали дьявольский огонь, огонь смерти, особенно сейчас, в пламени свечей. Рудольф носил черную униформу, был высоким и жилистым, на

щеке у него красовался шрам, что добавляло его образу еще большую враждебность. Лицо с римским профилем, лицо убийцы! Луиза видела, как хорошо он обращается с оружием. На её глазах он расстреливал в долине повстанцев. Без сожаления, без жалости.

– Фрау Шварц, – обратилась к Луизе Петра, – входите, но оставьте дверь чуть приоткрытой, чтобы дух смог уйти после нашей встречи.

Девушка пожалала плечами, и не до конца прикрыла за собой дверь. Единственное свободное место было возле Кёлера. У Луизы перехватило дыхание, и вспотели руки. Она присела рядом.

В центре стола находился круглый пергамент, на котором Петра изобразила спиритическую доску с буквами алфавита, цифрами от нуля до девяти и словами «да» и «нет». В центре доски стояло белое блюдо с нарисованной на нём стрелкой. Рядом лежало Евангелие принадлежащее Грюберу.

– Попрошу всех присутствующих сохранять тишину и спокойствие, – замогильным голосом начала говорить Петра. – Возьмитесь за руки и негромко повторяйте вместе со мной. «Дух Йоганна Грюбера – приди!»

«Дух Йоганна Грюбера – приди! Дух Йоганна Грюбера – приди!»

Все стали повторять эту фразу. Луизе стало не по себе. Слышалось шуршание, от шепота, эхом отскакивающего от круглых стен библиотеки. Но больше ничего не происходило.

– Попрошу всех поставить указательные пальцы на блюдо в центре стола, – прошептала Петра, и продолжила повторять. «Дух Йоганна Грюбера приди!» Все собравшиеся выполнили её указания и поставили свои пальцы на блюдо, продолжая повторять: «Дух Йоганна Грюбера – приди! Дух Йоганна Грюбера – приди!»

Вдруг, то ли сквозняком, то ли дух действительно пришел, но несколько свечей в ряд погасли. В комнате воцарился полумрак. По спинам людей пробежали «мурашки». В животе у Луизы появилось неприятное покалывание. Блюде под пальцами стало подниматься. Это невозможно было объяснить, но оно будто ожило и вибрировало.

Петра и все присутствующие это заметили. Рот у Хёдена открылся от удивления, так он и сидел. Фрау Майер стала задавать вопросы:

– Дух – ты здесь?

Блюде завертелось и стало неприятно царапать фарфоровыми краями о пергаментную бумагу и наконец, стрелкой повернулось к слову «да».

Шёбффер громко сглотнул.

– Можешь назвать себя?

Стрелка осталась на месте.

– Ты ответишь нам на несколько вопросов? – продолжала фрау Майер.

Блюде сильно завибрировало под пальцами и замерло.

– Я так понимаю – это значит «да»? – прошептал Хёден.

– Тсс, – Шёбффер недовольно посмотрел на шведа.

– Загадочная страна Шангри-ла существует? – продолжала Петра.

Стрелка дернулась и остановилась посередине между «да» и «нет».

– Здесь есть карта, указывающая её местонахождение?

В этот момент Луизе показалось, что за книжными полками кто-то прошел. Внутри у девушки все перевернулось от страха. Блюде поползло вверх по спиритической доске к цифрам «1» и «2».

– Там есть сокровища? – не выдержал и спросил шведский репортер, обливаясь потом, то ли от страха, то ли от возбуждения.

Вдруг, фолианты сильно забарабанили книжными корешками о поверхности полок и дверь в библиотеку резко захлопнулась.

– Что вы, черт бы вас побрал, делаете?! – вскочила из-за стола Петра. – Здесь я должна была задавать вопросы, а ваше дело – помалкивать! Вы разгневали духа и он ушёл!

Даже в полутьме было видно, что её лицо красное от ярости.

– Я его не поблагодарила и не отпустила! Теперь неизвестно в каком из миров он будет находиться, и все из-за вас. Я совсем другие вопросы подготовила!

– Простите меня, – стушевался швед и опустил с повинной голову. – Я хотел узнать, что делать с камнем.

– Это не так работает, – ответила, чуть успокоившись Петра, и принялась вновь зажигать потухшие свечи, и поставив Евангелие на одну из книжных полок.

Луиза не могла пошевелиться, она, будто окаменела, руки были холодными, как лёд. Ей хотелось, как можно скорее уйти отсюда.

– Надеюсь, сегодня ночью он придет к вам, – ехидно заметила фрау Майер глядя на Хёдена и присаживаясь за стол. У шведа даже запотели очки на глазах после её слов.

– Надо попробовать вызвать духа еще раз, чтобы закрыть портал в иной мир, – продолжила Петра. – Но уже, кого-то другого. Желательно недавно умершего, добропорядочного человека, которого мы все могли бы знать. Если у вас нет какой-либо вещицы принадлежащей покойному.

В библиотеке воцарилась тишина.

– А что если дух Российского Императора Николая II? – робко предложила фрау Шварц, постепенно выходя из оцепенения.

– Я не думаю, что это хорошая идея, – быстро оборвала её Петра. И добавила: – Он слишком мощная личность для сеанса.

– А по-моему идея хорошая, – высказал своё мнение Шёффер. – Он известен всем и был хорошим правителем по отношению к подданным своей страны.

– Но я не знаю... – замялась фрау Майер, теребя рукав своего платья.

– Решено, – твердо заявил дипломат, – вызовем Императора Николая. – Все – равно на ум больше никто не приходит.

– Хорошо, – выдавила из себя Петра. – А что у него спросить?

– Ну, хотя бы как он умер? Или что случилось с его детьми, – предложила фрау Шварц.

Петра посмотрела на Луизу и язвительно заметила: – У духов нельзя спрашивать об их смерти. Им это не нравится.

Затем она перевела взгляд на Хёдена:

– Приоткройте дверь, – приказала девушка. Швед послушался, открыл дверь, а когда вернулся на место, Петра заговорила:

– Прошу всех взяться за блюдце.

Спиритический сеанс продолжился.

«Дух Николая II – приди! Дух Николая II – приди! Дух Николая II – приди!»

Ничего. Повторили еще раз. Снова ничего. После третьего раза Луиза почувствовала тепло, даже жар, разливающийся по телу. Стол, за которым все собрались на долю секунды приподнялся в воздухе вверх на несколько сантиметров, и со стуком опустился на деревянный пол библиотеки. За книжными полками послышался шепот.

Шёффер хотел поправить ворот своей рубашки, поскольку он уже был мокрым от пота, но боялся пошевелиться и оторвать руки от тарелки.

– Дух Императора – ты здесь? – спросила Петра.

Блюдце под пальцами задрожало и придвинулось стрелкой к слову «да».

– Прости за беспокойство дух. У тебя все хорошо в твоём мире?

Блюдце задрожало и осталось на месте. Что, видимо, означало «да».

– Сколько у тебя было детей?

Блюдце поползло к цифре «5».

Присутствующие довольно переглянулись.

– Кто-нибудь из них жив?– рискнула спросить Петра, задыхаясь от волнения.

Тарелка очень-очень медленно поползла к слову «нет». В этот момент рука Луизы дрогнула, и блюдце звонко ударилось о стол.

– Что-то я не хочу в этом участвовать,– громче, чем следовало, сказала девушка.

– А я же вас предупреждала,– прошептала в ответ Петра. – Духи великих людей забирают много энергии. Нужно попрощаться с духом и по-доброму и закончить сеанс.

Луиза убрала руки с блюдца, чем сильно удивила всех собравшихся: – Прощайтесь без меня!

И вышла из библиотеки.

Фрау Шварц влетела в обсерваторию, громко хлопнув дверью, даже не заметив, что в углу рядом с клепсидрой ⁹ (9 – старинные водяные часы) сидел монах Симкха.

– Сволочи! Горите в аду! Черт бы вас всех побрал! – кричала девушка, измеряя шагами комнату. – Проклятые уроды! Далее из неё посыпались ненормативные английские ругательства.

Когда она немного остыла, и пришла в себя, она поправила растрепавшиеся волосы и бант на рубашке. Посмотрела на звездное небо и луну, которая большим, почти полным диском, освещала помещение и отбрасывала сквозь металлические прутья стеклянного купола замысловатые рисунки на стол и пол. Девушка повернула голову и увидела ламу, во все глаза, смотревшего на неё странным взглядом.

– А ты что вылупился!– сказала она в запале.

Лама молчал, но улыбка, слегка дрогнула на его лице.

Немного успокоившись, Луиза спросила: – Что ты тут делаешь? Помедлив, она добавила: – Да ну тебя! Все равно ни черта не понимаешь.

Как и сама девушка не понимала, что перешла в разговоре с немецкого языка на английский.

Глава 6.

– Кажется, я кое-что нашел! – воскликнул Рерих, держа в руках Святое писание Грюбера.

Вся компания снова была в сборе в библиотеке. Петра не разговаривала с Луизой после ночного инцидента, а Николая Константиновича просветили о вчерашнем ночном сеансе.

– Вы говорили, что дух, указал на цифры 1 и 2. И хоть я не приемлю подобного рода мистику, но все же решил просмотреть все главы писания под номером двенадцать. И обнаружил в Евангелие от Марка некую ошибку. Номера глав перепутаны, а некоторые даже повторяются,– заключил Рерих.

– О чем вы говорите, профессор?!– восторженно Шёбффер, который вместе с Хёденом разглядывал карты.

– Вот, посмотрите, – обратился к нему Рерих.

– Я плох в итальянском,– добавил он, и обратился к фрау Майер,– Петра, переводите, пожалуйста!

Николай Константинович ткнул пальцем в нужную главу, и женщина стала читать:

– «1. И начал говорить он притчами: некий человек посадил виноградник и обнес оградою, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился»... А далее: «14. Они же придя, говорят Ему: Учитель! Мы знаем, Ты – справедлив....» А должна быть глава вторая: «и послал в свое время к виноградарям слугу – принять от виноградарей плодов из виноградника».

– Не знаю, что это означало, для самого Грюбера, но строки не зря переставлены,– подытожил Рерих.

– Нужно выписать те, что идут не по порядку,– догадался Шёбффер.

Перечитав всё послание от Марка, были выделены строки: 1.14.4.4.18.1.3.8.5.14.

– У нас есть карта с такими номерами! – воскликнул швед, и принялся лихорадочно разыскивать нужную схему.

– Аккуратней, Франк! – воскликнула Петра. – Карты очень старые!

Охладив свой пыл, Хёден нашел карту под номером: 12.1.14.4.4.18.3.8.5.14.

Все присутствующие нависли над большим столом с разбросанными по нему бумагами.

– Если – это нужная карта, то, что могут обозначать эти цифры? – удивилась Луиза, выглядывая откуда-то из-за спины Шёбффера. Петра оторвалась от схем, посмотрела на девушку с презрением и перевела взгляд обратно.

– Я считаю, что это – криптограмма, – заметил Рерих. – Где цифры – это порядковые номера букв, скорее всего латинского алфавита, поскольку карты составлял европейский иезуит.

– Возможно, вы правы, профессор! – воскликнула фрау Майер и принялась писать «в столбик» на чистом листке бумаги латинский алфавит. А затем каждой букве присудила порядковый номер от одного до двадцати шести. Когда, к каждой цифре подставили букву, получилось немецкое слово, имевшее смысл: «LANDDRACHEN».

– Страна Драконов... – прошептал Рерих. Присутствующие переглянулись. Даже Петра с Луизой. Когда фрау Майер отвернулась, Луиза скорчила ей гримасу и спряталась за спину Шёбффера.

– Это потрясающе! – воскликнул Хёден. – Теперь можно расшифровывать остальные цифры подобным методом. И как мы сразу не догадались!

Шёбффер посмотрел на Рериха: – Ну, профессор, не зря вы с нами. Вот и пригодились.

Николай Константинович тяжело вздохнул и ничего не ответив, отправился к книжным полкам. Остальные принялись за расшифровку схемы. Таким методом выяснили расстояние до «Страны Драконов» и, сверив со своими современными картами, отыскивали нужную местность. Однако – это была серая зона. Уже и не Тибет, и не Непал, и не Индия, и даже не Бирма. Место с горной структурой, но горы – гораздо ниже тибетских. Место – тонущее в зелени, потому что было ближе к экватору. Место, куда, как, оказалось, сходилась множество притоков индийской реки Брахмапутры. И место, не отмеченное на современных картах.

– Но как, такое, может быть!? – воскликнул Шёбффер. – Двадцатый век! Летают самолёты и дирижабли! А на поверхности планеты есть белые пятна!

– А значит – это именно то, что мы искали – Шангри-ла! – воскликнула Петра, потирая тоненькие ручки.

К вечеру были расшифрованы остальные карты, но все они составляли путь Грюбера и д'Орвилля из Пекина через Тибет, включая гору Кайлас на севере. Но никак не на юге, где было зашифровано тайное место. На юг, иезуиты отправились после посещения Лхасы, по пути на Гоа, где находился морской порт. Откуда тогда эта карта? Может быть, члены ордена нашли её? Или же сделав круг, посетив «Страну Драконов», вернулись в Тибет? И для чего нужен камень с тремя отверстиями, который был украден первой немецкой экспедицией, из калмыцкой Татarii? На это пока не было ответов.

Устало потерев глаза, и изрядно проголодавшись, Шёбффер сказал, что нужно просить аудиенции у Далай-ламы. Ему разрешили посетить одну из галерей Красного Дворца.

Под галереями, в центре зала, украшенного всевозможными свитками и фресками, возвышались мемориальные ступы. Проще говоря, полусферические постройки, которые раньше были памятниками на могилах правителей. Внутри содержались останки и прах после кремации, а снаружи походили на огромные троны со ступенями. Они были выполнены из чистого золота и украшены драгоценными камнями.

Его Святейшество, вместе с другими ламами, в том числе и Симкхой, только что закончили медитировать. Они сидели на коленях, прямо на полу, украшенным шелковым ковром,

и о чем-то беседовали. Их лица были расписаны ритуальными рисунками с помощью разноцветной хны. Одежды были праздничными.

Шбффер с Петрой, которую он взял с собой, в качестве переводчицы, остановились, не зная, что делать дальше. Рядом с ними возник, будто из-ниоткуда помощник Далай-ламы – Чию Гоче. Обменявшись, приветственными – «Намастэ'», помощник сказал, что нужно снять обувь и повел гостей к Далай-ламе.

Его Святейшество, увидев Шбффера и фразу Майер, кивнул в ответ на их приветствие и объяснил:

– Сегодня мы празднуем Висакха Буча – полнолуние. Это большой светлейший праздник. Вечером мы отправляемся к святым местам читать мантры. Чем я могу вам помочь?

– Нам бы хотелось поговорить с вами «с глаза на глаз», если это возможно, – торопливо говорил Эрнст Шбффер, понимая, что причиняет неудобства.

– Это возможно, – кивнул Далай – лама, и, повернувшись к своим монахам, попросил их ненадолго покинуть зал.

Ламы растворились за колоннами зала в течение нескольких секунд.

Шбффер с Петрой удивленно переглянулись, не ожидая от монахов подобной скорости реакции. Далай–лама, пригласил присесть гостей справа от себя, на пол, подогнув по-тибетски колени.

– Ваше Святейшество, – заговорил Шбффер . – Я плохо говорю по-английски, поэтому, если Вам угодно, фрау Майер будет переводить.

Далай-лама кивнул, Петра стала переводить речь дипломата:

– Мы, наконец, обнаружили карту, которую искали. Она отмечена тремя характерными точками и называется «Страна Драконов». Но на ней изображены горные массивы и тропические леса, о которых нам ничего не известно. Возможно, вы подскажете, что это может быть за «Страна»? Да, мы высчитали географические координаты, но на современных картах там ничего нет. Пустота.

Далай–лама улыбнулся:

– Вы нашли карту Тибета с озером Пумы?

Шбффер кивнул. Это последняя точка на юге, о которой он знал, дальше только притоки реки Брахмапутра и Бенгальская Индия.

– За озером начинается горный массив Канкар-Пунсум – это вход в государство Бутан – вашу Страну Драконов.

Шбффер громко вздохнул.

– Это Королевство, о котором знают не многие, даже здесь, в Гималаях. Жители земли драконов – дракпасы, очень набожные и скрытные. Если здесь вы не нашли все то, что искали, то отправляясь туда помните три основных правила: «не удивляйтесь, не возмущайтесь, не отрицайте». Но вам, в любом случае, путь туда закрыт.

– Что вы имеете в виду?! – воскликнула Петра, громче, чем положено. – Так вы знали о затерянной стране с самого начала, и ничем с нами не поделились? – продолжила она как можно мягче.

– А зачем? – злобно улыбнулся Далай-лама, – вы же всего лишь биологи и зоологи, а не искатели сокровищ и древних знаний...

Повисла тишина. Немного смягчившись, он продолжил:

– Вот видите эти ткани, которыми обшиты мои колонны? – он обвел рукой вокруг себя, показывая зал. – Это священные ткани из Бутана. Но дракпасы никого не пропускают в своё Королевство, кроме британцев, да и то с разрешения самого Короля Георга V. Вряд ли вы получите Его разрешение.

– Вы могли бы нам помочь, – нерешительно заговорил Шбффер. – Вы дружите с британцами.

– Только пока они защищают от китайской аннексии,– заговорчески подмигнул Далай-лама. – Пока придет официальный ответ из Сандрингемского дворца, пройдет немало времени.

– Мы готовы ждать, если Ваше Святейшество разрешит нам, еще немного погостить у вас,– переводила Петра.

– Услуга – за услугу,– ответил Лама. – Я знаю о сапфире, откуда он у вас?

Шбффер и Петра переглянулись, скрывать правду не было смысла.

– Из первой немецкой экспедиции, в поисках затерянной страны. Из Калмыкии, Российской империи.

– Значит – это не тот камень, который был у иезуита Дезидери. Я полагал, что его камень хранится в Ватикане, и вы выкрали его оттуда.

– Я ничего не знаю о камне Дезидери,– честно ответил Эрнст Шбффер.

– Существует три таких сапфира,– сказал Далай-лама. – Один у вас, один – где-то спрятал иезуит, и один находится у Короля Бутана. Они Священны. И мне нужны они все, чтобы закончить строительство своей будущей погребальни.

Далай-лама встал, и жестом показал гостям следовать за ним.

Он подвел их к огромной золотой ступе, в центре, которой были три отверстия.

– Как видите – сюда планируется вставить священные камни. Они будут защищать Дворец и земли Тибета,– сказал Лама. – Я попрошу полковника Ньюмана отправить телеграмму Королю, с просьбой разрешить вам продолжить экспедицию в Бутан. Но в качестве гарантии, что я получу камни, отправлю британцев с вами.

Шбффер покорно пожал плечами:

– Что ж, раз так Вам будет спокойнее... – переглянувшись с Петрой добавил,– мы не можем не согласиться.

– А сейчас, прошу меня простить, – улыбнувшись, сказал Далай-лама, – мне пока уходить молиться. Сегодня монахи ничего не едят, а для вас мой помощник договорится накрыть стол к ужину в зале Белого Дворца. «Намаскар».⁹ *9(До свиданья)*

– «Даньябаад» .¹⁰ *(10 Спасибо)* « Намаскар» ,– ответила Петра вслед удаляющемуся Ламе.

Фрау Майер и Шбффер устало посмотрели друг на друга и пошли к ступеням, ведущим вверх к галерее.

– Проклятье! А где мы разувались? – беспомощно простонал дипломат, кружась вокруг своей оси в поисках обуви.

– Кто бы знал. Зал огромный, как и сам Дворец, – улыбаясь, ответила Петра.

За ужином, фрау Майер и Шбффер рассказали собравшимся о своем общении с Далай-ламой. Хорошо, что за столом не присутствовал Джон Ньюман, он все же был для их группы посторонним и вообще жутко нервировал Шбффера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.